

Талия Су Цзяньцю была слишком тонкой, тоньше, чем у обычной омеги. Фу Баю было просто невообразимо, как такое хрупкое тело может выносить ребёнка. Омегам и так тяжелее, чем альфам, а такой хрупкой омеге, как Су Цзяньцю, приходится ещё тяжелее. Что-то мягкое дрогнуло в его сердце, и он подумал, что обязательно должен хорошо заботиться об этой омеге.

Ужин был накрыт в гостиной на первом этаже виллы поместья. Мягкий свет изысканной старинной хрустальной люстры окутывал их двоих сиянием.

Белая рубашка Су Цзяньцю словно светилась изнутри. Казалось бы, простой белый цвет, но встретившись со светом ламп, он переливался всеми цветами радуги, оттеняя его фарфоровую кожу, делая её сияющей и ослепительной. А та единственная слезинка-родинка трогала душу. Это была настоящая красота, ожившая под светом, который делал красавца ещё более живым.

Фу Бай вспомнил, как во время учёбы за границей однажды вечером он зашёл в церковь. Центральная святыня в церкви была окружена мягким светом, и издали она выглядела как нисшедшее божество, словно посланное небесами, чтобы спасти мир, вызывая благоговейный трепет и почтение.

Можно лишь издали созерцать, но нельзя осквернять прикосновениями.

Су Цзяньцю тоже спустился с небес, только вот он случайно упал прямо в объятия Фу Бая.

Фу Бай нуждался в нём, чтобы спастись.

*

Кто-то подкатил сервировочный столик, по одному расставляя изысканные блюда, а другой человек налил им красного вина.

Су Цзяньцю смотрел на сотрудников, суетящихся вокруг них, но его мысли уже унеслись в другое место.

Фу Бай сидел напротив него и спокойно смотрел на него:

— Не знаю, придутся ли эти блюда тебе по вкусу. Я ещё слишком мало о тебе знаю, но дай мне время, я буду постепенно учиться. В дальнейшем обязательно рассказывай мне, что тебе нравится, а что нет, и не заставляй меня всегда угадывать.

Су Цзяньцю молчал, не отвечая.

Фу Бай снова спросил его:

— Слышал? Ответь мне.

Су Цзяньцю вздрогнул, в его глазах мелькнула паника. Тон Фу Бая был по-прежнему мягким, но исходящая от него всеподавляющая мощь альфы заставляла Су Цзяньцю испытывать страх.

Он кивнул и робко ответил:

— Слышал. Я... я буду.

Фу Бай улыбнулся. Ему нравилось, когда Су Цзяньцю был послушным.

Су Цзяньцю становилось всё более неловко. Он поднял стакан с водой и сделал глоток, чтобы

успокоиться. Он чувствовал, что Фу Бай — сложный человек, по крайней мере, не такой простой, как кажется на первый взгляд. Он не мог понять, что творится в голове у Фу Бая.

— Что с твоим запястьем? — вдруг спросил Фу Бай.

Су Цзяньцю опустил взгляд и увидел, что, когда он поднимал стакан, манжета рубашки расстегнулась и сползла вниз, обнажив запястье, обмотанное бинтом.

— Небольшая травма.

Су Цзяньцю солгал. Ему было действительно стыдно говорить, что это доказательство его неудавшейся попытки самоубийства.

Но Фу Бай поднялся с места и подошёл к нему.

Су Цзяньцю инстинктивно хотел отстраниться, бессознательно спрятав руку за спину.

Фу Бай, не слушая возражений, взял его за руку:

— Дай посмотреть.

Су Цзяньцю уже не мог уклониться.

На самом деле, сквозь бинт ничего нельзя было разглядеть.

Фу Бай просто смотрел на этот бинт, не зная, о чём думать. Через несколько секунд он произнёс:

— Похоже, того, чего я не знаю, действительно много.

Он поманил слугу и распорядился:

— Замените его красное вино на чай с лонганом и ягодами годжи.

Затем велел убрать все продукты, которые могли вызвать воспаление.

*

После ужина Фу Бай лично отвёз Су Цзяньцю домой.

Су Цзяньцю было немного удивительно, он не ожидал, что Фу Бай отпустит его сегодня ночью.

От виллы в поместье до места, где жил Су Цзяньцю, было недалеко.

Фу Бай вёл машину, Су Цзяньцю сидел на пассажирском сиденье. Они были так близко, а путь был долгим.

Всю дорогу неизбежно витало неловкое молчание.

Су Цзяньцю просто притворился спящим. В конце концов, он же играл в кино, поэтому быстро вошёл в роль: дыхание ровное, лицо спокойное, как у спящего.

Он действительно заснул.

Фу Бай плавно остановил машину, снял свой пиджак и накрыл им Су Цзяньцю.

Затем он сбавил скорость и всю оставшуюся дорогу вёл машину плавно и спокойно, пока не доехал до района, где жил Су Цзяньцю.

Су Цзяньцю спал крепко, видимо, очень устал.

В салоне горел свет, немного приглушённый и тёплый, что делало черты лица Су Цзяньцю ещё мягче.

В сердце Фу Бая будто засела маленькая крючковатая заноза, которая и щекотала, и причиняла боль. Он не сдержался и нежно поцеловал Су Цзяньцю в точку между бровями.

За окном машины промелькнула тень. Фу Бай опустил стекло.

Это был Чэнь Хуай.

Казалось, он ждал у въезда в район уже давно.

Увидев, что окно опустилось, Чэнь Хуай уже собрался заговорить, но Фу Бай остановил его, взглянув на спящего Су Цзяньцю.

Чэнь Хуай был сообразительным и тут же закрыл рот.

Фу Бай вышел из машины, перешёл на сторону Су Цзяньцю, открыл дверцу и осторожно вынес его на руках.

— Веди.

— А, да, хорошо, за мной.

Чэнь Хуай увидел, что Су Цзяньцю завернут в пиджак Фу Бая, и как тот бережно несёт его на руках, и подумал: «Ну и баловень же он».

Машина Фу Бая не могла заехать во двор, поэтому он всю дорогу нёс Су Цзяньцю на руках.

Ланьлань тоже не спала, все ждали возвращения Су Цзяньцю.

Фу Бай уложил Су Цзяньцю на кровать и закрыл дверь спальни.

Он сказал Чэнь Хуаю:

— Собери его вещи, завтра днём я пришлю людей, чтобы его забрали.

— Хорошо, понятно, господин Фу, — поспешно согласился Чэнь Хуай. Он чувствовал себя сейчас как мать, продающая дочь, а Фу Бай — как его зять.

Сказав это, Фу Бай ушёл, а Чэнь Хуай пошёл проводить его.

Когда Чэнь Хуай вернулся, он увидел Су Цзяньцю сидящим в гостиной.

— Ты же спал!

— Сначала я и правда спал, но когда он нёс меня, я проснулся на полпути. Мне стало так неловко, что я не знал, просыпаться или нет, и решил просто продолжать притворяться.

— Тогда ты слышал? Завтра за тобой приедут?

— Угу, слышал.

Су Цзяньцю опустил голову и вздохнул.

Чэнь Хуай, увидев его вздох, подумал, что договориться не удалось:

— Как прошли переговоры?

Его не было рядом, и он боялся, что Су Цзяньцю останется в проигрыше и не сможет договориться об условиях.

Су Цзяньцю сказал:

— Договорились.

Чэнь Хуай спросил:

— Контракт подписали?

Су Цзяньцю ответил:

— Думаю, скоро подпишут.

— Ладно, ладно, вот и хорошо, — Чэнь Хуай успокоился. — Тогда отдыхайте, я пойду.

Он с тех пор, как отвёз Су Цзяньцю к Фу Баю, ждал здесь и ещё не был дома.

Су Цзяньцю почувствовал угрызения совести:

— Хорошо, брат Чэнь, будь осторожен на дороге, не гони.

После того как Чэнь Хуай ушёл, Ланьлань принесла из кухни горшочек с супом — суп из кукурузы и свиных рёбрышек.

— Я боялась, что ты там плохо поел, сварила немного супа. Только что даже брату Чэню не дала попробовать.

— Спасибо, Ланьлань.

Сердце Су Цзяньцю растаяло от тепла. Ланьлань и Чэнь Хуай были людьми, которые искренне о нём заботились.

Пока Су Цзяньцю ел суп, Ланьлань достала банковскую карту и пачку наличных, положила на стол и сказала:

— Это деньги от продажи вещей сегодня. Я положила всё на твою карту, а двадцать тысяч оставила на непредвиденные расходы.

Су Цзяньцю поставил миску, взял пачку наличных и сунул её в руки Ланьлань:

— Это тебе на крайний случай. Вернёшь, когда будут деньги.

Он знал, что у Ланьлань тяжело болен отец и ей нужны деньги, но она, зная, что ему сейчас тоже трудно, не решалась попросить. Он видел, как она украдкой плакала, но не умел утешать, поэтому лучше было просто дать денег.

Ланьлань на несколько секунд застыла, а потом, обхватив пачку денег, расплакалась:

— Братец, ты мне как родной...

— Не гони, кого братцем зовёшь? Я же младше тебя. Мне всего двадцать один, а ты на несколько лет старше.

Услышав это, Ланьлань заплакала ещё сильнее:

— Паршивый младший братишка!

— Ой, — Су Цзяньцю протянул ей салфетку, делая вид, что брезгует. — Сопли пузырями пошли.

Ланьлань сквозь слёзы спросила:

— Я смогу и дальше оставаться с тобой?

— Конечно, — сказал Су Цзяньцю. — Но если в будущем у тебя будут трудности, ты сможешь сама мне рассказать? Если я не смогу тебе помочь, мне будет очень грустно.

Ланьлань кивнула. Она хотела сдержать слёзы, но вдруг сломалась и, сжимая деньги, которые дал ей Су Цзяньцю, закрыла лицо руками и, рыдая, опустилась на пол:

— Я так сильно скучаю по папе! По тому, здоровому! Я хочу попробовать суп, который он готовил, я не хочу видеть его больным и лежащим в постели! Мне так страшно, боюсь его потерять...

— Хорошая Ланьлань, я знаю, ты очень любишь папу.

Су Цзяньцю помог ей подняться, длинными пальцами стёр её слёзы и сказал:

— Ланьлань, делай, что должно, и будь что будет. Мы уже сделали всё, что в наших силах, и даже если однажды действительно ничего не получится, родные не будут винить нас. Мы старались, очень старались.

<http://bllate.org/book/15452/1370807>